
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК: 94(47)053 94(47)''1700/21''
ББК - 63.3(2)46

Н.Р. Славнитский

УТВЕРЖДЕНИЕ РОССИИ В ИНГЕРМАНЛАНДИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Рассматривается история закрепления России на побережье Балтийского моря в годы Северной войны: взятие русскими войсками крепостей на территории Ингерманландии (Нотебурга, Ниеншанца, Ямбурга и Копорья), основание Санкт-Петербурга, оборона этой области при нападениях шведов, а также система управления, созданная здесь в первой четверти XVIII века. Работа написана на основе изучения переписки Петра Великого, а также материалов канцелярий А.Д. Меншикова и Ф.М. Апраксина.

Ключевые слова:

Апраксин Ф.М., Ингерманландия, Меншиков А.Д., Ниеншанц, основание Санкт-Петербурга, Петр I, Северная война, Шлиссельбург

Как известно, основной целью Петра Великого в Северной войне, начавшейся в 1700 г., стало получение доступа к Балтийскому морю, а также возвращение территории Ингрии. Эта область на протяжении столетий являлась местом боевых действий, проходивших с переменным успехом. Еще в древности здесь было возведено несколько крепостей – Орешек, Копорье, Ям, несколько позже – Ивангород. На рубеже XV–XVI вв. эти укрепления были перестроены с учетом появившегося к тому времени огнестрельного оружия. В начале XVII в. они были захвачены шведскими войсками, а по условиям Столбовского мира 1617 г. территория Ингрии стала шведской провинцией. Еще в 1611 г. шведами была построена крепость Ниеншанц (частично перестроенная в середине столетия), возле которой возник город Ниен.

Первая операция Северной войны – осада Нарвы и Ивангорода осенью 1700 г. – завершилась для Петра I серьезной неудачей: крепости взять не удалось, кроме того, русские войска потерпели сокрушительное поражение в полевом сражении (19 ноября). Но шведский король Карл XII не стал развивать наступление на российскую территорию, что позволило Петру I спустя некоторое время перейти к активным наступательным действиям в Ингрии.

Уже летом 1702 г. здесь появился небольшой отряд под командованием П.М. Апраксина. В его задачу входил «поиск» над войсками шведского корпуса

Крониорта, и Апраксин успешно справился с задачей, разбив несколько небольших неприятельских партий. Кроме того, его войска разорили ряд деревень и мыз («многие мызы великие и всякое селение развоевали и разорили без остатку...»¹). Надо сказать, что такие действия вызвали гнев царя, написавшего П.М. Апраксину: «А что по дороге разорено и вызжено, и то не зело приятно нам, о чем словесно вам говорено и в статьях положено, чтобы не трогать, а разорять или брать лутче городы, неже деревни, которые ни малаго супротивления не имеют, а только своим беспокойством. А промысл над людьми неприятелскими чинить, сколько Бог даст помощи, к лутчему, также скот надобно, сколько возможно, доставать...»²

Осенью 1702 г. была осаждена крепость Нотебург (так шведы называли Орешек). Ее укрепления, хоть и устаревшие в некоторой степени, представляли собой довольно мощное фортификационное сооружение, состоявшее из семи наружных и трех внутренних башен высотой 14–16 м, соединявшихся стенами высотой 12 м. Высокую обороноспособность обеспечивало и островное положение³. Гарнизон был небольшим (около 450 человек), но хорошо обеспечивался артиллерией – в его распоряжении имелось 142 орудия.

Русское войско под командованием Б.П. Шереметева подошло к Неве 27 сентября, после чего начались осадные работы, сопровождавшиеся постоянными мелкими стычками, а также вылазками и ружейной стрельбой неприятеля. Но это не остановило деятельность осаждавших, и уже 29 числа начали делать батареи и кетели, на которые 30 сентября (или в ночь 1 октября) была установлена артиллерия: 31 пушка и 12 мортир⁴. А несколько позже, 3 октября, на другой стороне Невы были установлены 6 пушек и 3 мортиры⁵. Таким образом, против крепости было задействовано 51 орудие, в том числе 37 пушек и 14 мортир.

1 октября начался артиллерийский обстрел Нотебурга, продолжавшийся непрерывно десять дней, пока запалы у большинства орудий не разгорелись, и стрелять из них стало невозможно (некоторые позже были перелиты)⁶. Основной удар был направлен на Церковную и Келарскую башни и стену между ними. Здесь было сделано три пролома (в двух башнях и в куртине на юго-западной стороне⁷), но они были в верхней части стены, что сильно затрудняло успех атаки. Более удачной была стрельба из мортирных батарей: при помощи навесной стрельбы удалось вызвать в городе два сильных пожара (6 и 11 октября)⁸. В целом Петр I остался доволен действиями артиллерии, отмечая в письме к А.А. Венинсу, что она «зело чудесно дело свое исправила»⁹.

7 октября, убедившись в безрезультатности обстрела крепости, Петр приказал начать подготовку к штурму. В тот же день были собраны охотники, «которых немалое число записалось», а 9 числа им раздали штурмовые лестницы¹⁰. 11 октября эти охотники подъехали на лодках к острову с разных сторон, после чего начался штурм крепости, отличавшийся большим упорством. Осажденным помогало и то обстоятельство, что лестницы, которые были заготовлены для приступа, оказались короткими. Кроме того, на острове было очень мало места. Позже Петр I, имевший обыкновение каждый год 11 октября ездить на остров, если находился в России; вспоминал, что «под брешью вовсе не было пространства, на котором войска могли бы собраться и приготовиться к приступу, а между тем шведский гарнизон истреблял их гранатами и камнями»¹¹. В какой-то момент даже было решено отступить. Существует легенда, что Петр I послал приказ об отступлении, но командовавший отрядом семеновцев подполковник М.М. Голицын, по праву считающийся одним из главных героев штурма (кстати говоря, именно этот день

можно считать началом его блистательной карьеры), ответил, что «он уже не петров а богов»; но это не более чем красивая легенда. В «Реляции осады Нотебурга» сказано, что отступить не смогли «ради быстрой воды»¹².

В конце концов сказалось численное превосходство русских войск: к атакующим постоянно прибывали подкрепления, в то время как силы осажденных были ограничены. После 13-часового штурма гарнизон капитулировал, причем на почетных условиях: ему было разрешено покинуть крепость с четырьмя пушками, со знаменами, музыкой, полным вооружением и имуществом¹³. Сразу после взятия крепость была переименована и получила название Шлиссельбург – «ключ-город».

Трудности, испытанные русскими при взятии Орешка, наглядно показали, что крепость московской поры, несмотря на возросшую к началу XVIII в. мощь артиллерии, может служить надежной защитой в случае контрнаступления шведов, которого можно было ожидать в любой момент. Кроме того, ее удобно было использовать как хорошо укрепленную базу для последующих наступательных операций. Вероятно, учитывая все это, а также новую тактику ведения крепостной войны, Петр I принял решение не только починить ее стены и башни, но и возвести перед ними дополнительные укрепления¹⁴.

Поэтому немедленно приступили к постройке дополнительных укреплений – бастионов. За строительством этих сооружений были «приставлены ради надзирания» Ф.А. Головин, Г.И. Головкин, А.Д. Меншиков, назначенный губернатором «новозавоеванной» области, Н.И. Зотов и К.А. Нарышкин. В связи с этим бастионы были названы их именами. Кроме того, крепость усилили артиллерией, и в 1703 г. в Шлиссельбурге насчитывалось 127 орудий¹⁵.

Следующей весной наступление на территории Ингрии продолжилось. 14 апреля царь приказал Б.П. Шереметеву, вновь командовавшему осадным корпусом, выступить в поход¹⁶; а 25 апреля русские войска подошли к крепости, после чего начались осадные работы. Шведы пытались помешать этим работам, «однако без великого вреда»¹⁷. В целом эта осадная операция оказалась несложной: батареи (а их насчитывалось пять и шестая на правом берегу Невы, у самого устья Охты), на которых установили 20 пушек и 12 мортир¹⁸, были готовы к 30 апреля, после чего коменданту крепости предложили сдаться; на что он ответил отказом. Сразу после получения ответа начался артиллерийский обстрел крепости, продолжавшийся всю ночь. Однако были задействованы далеко не все орудия, установленные на батареях. Первоначально сделали залп из 12 мортир и 20 пушек, после чего 6 мортир «работали» всю ночь¹⁹. Утром 1 мая осажденные, не выдержав русского «презента», дали сигнал о сдаче. В тот же день крепость получила новое название – Шлотбург.

Но Шлотбург не мог обеспечить оборону Невы в должной мере, «понеже оной мал, далеко от моря и место не гораздо крепкое от природы»²⁰. Поэтому 16 мая 1703 г. неподалеку от него, на Заячьем острове, была заложена новая крепость, получившая название Санкт-Петербургской и ставшая ядром нового города²¹.

В журнале Г. Гизена²², а также в работах ряда авторов отмечается, что Ниеншанц был срыт осенью 1703 г., сразу после постройки Санкт-Петербургской крепости. Однако австрийский резидент при русском дворе О.А. Плейер отмечал в своей депеше к императору от 25 июня 1703 г., что «русские очень усердно укрепляют Ниеншанц и строят новую сильную крепость почти совсем вблизи...»²³. Кроме того, среди материалов Приказа Артиллерии сохранился документ, из которого следует, что летом 1703 г. в Шлотбурге (так был назван Ниеншанц) было 68

пушек²⁴. Из этой ведомости становится ясно, что в 1703 г. крепость еще не была разрушена.

По мнению Г.Г. Приамурского, дефортификация Ниеншанца произошла в мае 1704 г., после сооружения Кроншлота²⁵. Тем не менее, летом 1704 г. шведы пытались закрепиться на этой позиции, а в августе 1708 г. здесь «для охранения» находились две русские шнявы²⁶. Следовательно, какое-то время укрепления на месте Ниеншанца-Шлотбурга сохранялись, хотя русского гарнизона в них уже не было.

В нашем распоряжении имеется еще один источник – «Чертеж Ниеншанца и заложенного ныне называемого русского Петербурга, снятый 19 июля 1704 г.», опубликованный и проанализированный Т.А. Базаровой. На этом чертеже, выполненном Х. Бютнером, находившемся в составе шведского корпуса Г. Майделя, в частности, изображена четырехугольная крепость, за стенами которой стоят охваченные пожарами дома. «Описание» объясняет, что это «Ниеншанц, который неприятель сжег 12 июля 1704 г.»²⁷ Исходя из этого можно предположить, что русские воинские части покинули укрепления Ниеншанца 12 июля 1704 г. в связи с подходом корпуса Г. Майделя и при уходе сожгли оставшиеся деревянные постройки, чтобы лишить его возможности закрепиться здесь и использовать крепость в качестве опорного пункта для наступления на Петербург. Сведения о дате отхода русских частей шведы могли получить от чухонцев, обитавших в этой местности. Правда, не исключено, что горящими постройками (это, несомненно, образное выражение) являются городские дома вокруг крепости.

А осадные операции были продолжены. 11 апреля 1703 г. Петр приказал «послать из Пскова в свейскую землю к городу Ямам для взятия и осады той крепости генерала маеора Фон Вердена да генерала квартирмейстера Аргамакова». Осадный корпус состоял из одного драгунского и 13 пехотных полков (всего 9820 человек) при 23 полковых пушках, 9 гаубицах и 5 мортирах (к ним ядер и бомб по 100 выстрелов)²⁸.

6 или 8 мая отряд фон Вердена подошел к Ямам и приступил к осадным работам. Осажденные пытались помешать им, даже сделали вылазку 11 мая, но безуспешно²⁹. 12 мая батареи были готовы, и на следующий день, после отказа коменданта сдаться, приступили к бомбардировке, в ходе которой было выпущено 600 бомб. 14 мая шведы сдались³⁰.

Параллельно с этим войска под командованием Б.П. Шереметева (около 2000 человек конницы и 4 пехотных полка при 5 пушках³¹, но позже отряд был усилен, в частности, подвезли мортиры, задействованные при осаде Ям, с ними прибыли бомбардиры и пушкари³²) двинулись к Копорью. 26 мая приступили к обстрелу крепости. В ходе него по городу было выпущено 500 бомб³³. Это вынудило копорского коменданта Опалева (брата ниеншанцкого коменданта) сдаться 27 мая.

После взятия крепостей приступили к их укреплению. Главным образом, это касалось Ямбурга, где работы начались 15 мая. Инструкцией Петра I, составленной им в 5 июня 1703 г., предписывалось, в первую очередь, «отдельвать» бойверки, а уже после этого приступать к возведению куртин, строить укрепления должны были солдаты пехотных полков, а драгунам поручалось возить припасы из леса, построить казармы «в каменном городе у той стены, что к Луге» и установить там же батарею, а также сделать три пороховых погреба³⁴.

Дело, правда, двигалось не так быстро, как хотелось бы царю. 29 мая Б.П. Шереметев отмечал в письме к Петру I: «работа в Ямах, сказывают, зело трудна: все

камень и делается медленно»³⁵. Но все же к концу лета укрепления из трех бастионных фронтов были возведены. Переименование города, по данным Ф.П. Турманского, произошло 30 июня 1703 г., когда туда прибыл царь³⁶.

Весной следующего года Ямбург стал базой для наступательных действий против Нарвы, но после взятия ее укреплений эта крепость стала терять свое оборонительное значение. Стены и башни Копорья в годы Северной войны также не рассматривались русским командованием в качестве серьезных оборонительных преград в случае наступления неприятеля (правда, небольшие гарнизоны, а также несколько пушек в этих крепостях все же оставили).

Основным ядром системы обороны Ингерманландии стала Санкт-Петербургская крепость. Строительство деревоземляной крепости, состоявшей из шести бастионов, соединенных куртинами и усиленных одним рavelином, шло очень быстрыми темпами, и осенью того же года она была вооружена артиллерией (246 пушек, 11 мортир, 2 гаубицы и 10 дробовиков; всего 269 орудий³⁷). Правда, к январю 1704 г. количество пушек сократилось до 215³⁸, и в дальнейшем число орудий колебалось.

Для прикрытия территории с моря зимой 1703–1704 г. был построен форт Кроншлот, причем он был возведен в воде: фундамент устроили зимой на льду из ящиков с камнями, а потом на них было поставлено все сооружение из дерева и земли в виде круглой башни³⁹. Первоначально его вооружение состояло из 14 орудий, но впоследствии их число возросло до 30⁴⁰. Комендантом форта был назначен полковник Т.И. Трейден.

Кроме того, летом 1704 г. на острове Котлине, расположенном против Кроншлота, установили первую береговую батарею (Старая батарея). Перед ней стояли две задачи: защищать глубоководный фарватер, ведущий к Петербургу, и восточную сторону Кроншлота⁴¹. Затем была сооружена Ивановская батарея, находившаяся на мысе южного берега острова Котлин к северо-западу от Кроншлота, в непосредственной близости от фарватера, и имела задачи: воспрепятствовать проходу вражеских кораблей к Кроншлоту, вести обстрел рейда, если на нем появится противник, совместно с Кроншлотом и Старой батареей защищать фарватер, не позволять вражеским бомбардирским кораблям вести обстрел Кроншлота и кораблей, стоящих на рейде⁴².

К тому времени были сформированы и новые органы управления этой территорией. Как уже отмечалось, губернатором Ингерманландии сразу после взятия Шлиссельбурга стал А.Д. Меншиков. Несколько позже, в 1708 г., при разделении России на губернии, территория Ингерманландской губернии была расширена, и в нее было включено 29 городов: Санкт-Петербург, Нарва, Шлиссельбург, Великий Новгород, Псков, Ладога, Порхов, Гдов, Опочек, Изборск, Остров, Старая Русса, Луки Великие, Торopez, Бежицкой Верх, Устюжна Железнопольская, Олонiec, Белоозеро, Ржева Пустая, Заволочье, Дерптский уезд, Каргополь, Пошехонье, Ржева-Володимерова, Углич, Ярославль, Романов, Кашин, Тверь, Торжок. Города Ямбург и Копорье были отданы во владение светлейшему князю⁴³. Точное название его должности указать сложно: в некоторых документах он именовался «генерал-губернатором», а порой – «губернатором»⁴⁴. Важно отметить другое – большую часть времени в 1703–1713 гг. он находился в действующей армии за пределами подчиненной ему территории.

В этой ситуации управление гражданскими делами было сосредоточено в руках вице-губернатора В.Я. Римского-Корсакова, а военное управление было возложено на комендантов крепостей. Первым комендантом Санкт-Петербурга стал полковник К.Э. Ренн (Ренне), назначенный на эту должность в конце октября

1703 г., а 20 мая 1704 г. он передал командование войсками Санкт-Петербургского гарнизона генерал-майору Р.В. Брюсу и отправился на театр военных действий полевой армии. Роману Вилимовичу Брюсу, назначенному обер-комендантом, подчинялся также комендант Шлиссельбургской крепости В.И. Порошин. Со временем в его ведении оказались укрепления и гарнизоны Санкт-Петербурга, Котлина (форт Кроншлот, батареи, крепость Святого Александра), Шлиссельбурга, Ямбурга, Копорья, а позже Выборга и Кексгольма. Сам же обер-комендант, судя по всему, подчинялся губернатору. Об этом говорит переписка Романа Вилимовича: в 1704–1705 гг. – все донесения об обороне новозавоеванной территории от шведского корпуса под командованием Г.И. Майделя он отправлял А.Д. Меншикову⁴⁵.

Уже спустя полтора месяца после назначения новому обер-коменданту пришлось столкнуться со шведскими войсками под командованием Г.Я. Майделя, которые попытались захватить Санкт-Петербург. В распоряжении Р.В. Брюса в то время имелось 7 полков, насчитывавших 5500 человек, и до 2000 человек иррегулярной конницы⁴⁶. Получив сведения о приближении неприятеля, он соорудил батареи на выборгской стороне, поставив на них пушки, взятые, по-видимому, из крепости, и приготовился к отпору. Кроме того, шлиссельбургскому коменданту В.И. Порошину было послано указание приготовиться к возможному нападению шведов⁴⁷.

12 июля Г.Я. Майдель появился на выборгской стороне, установил пушки против позиций Р.В. Брюса и открыл артиллерийский огонь. Перестрелка продолжалась 4 часа, после чего шведы вынуждены были отступить⁴⁸. Одновременно шведский флот под командованием де Пруа, состоявший из 1 линейного корабля, 5 фрегатов, 5 бригантин и 1 брандера, подошел к Кроншлоту⁴⁹, который защищали 7 фрегатов и несколько галер⁵⁰ (по первоначальным сведениям, неприятельский флот насчитывал до 30 судов⁵¹). Шведы попытались высадить десант на остров Котлин, но были отбиты с большими для них потерями. После этого они в течение двух дней бомбардировали Кроншлот, однако огонь оказался малоэффективным. Простояв около форта несколько суток и не добившись никаких результатов, шведская эскадра удалась⁵².

В начале августа Г.Я. Майдель предпринял еще одну попытку атаковать город, на этот раз со стороны реки Охты. 6 августа Р.В. Брюс сообщил А.Д. Меншикову, что накануне неприятельские люди строили мост через Охту «за тем бастионом, который не разорен.., а генерал с войски стоит пониже Канец к лесу с версту»⁵³. Против них также были установлены батареи. 6 августа Г.Я. Майдель отправил Р.В. Брюсу письмо, в котором предложил ему сдаться⁵⁴. Петербургский комендант на это попросил шведского генерала «в своей земле лежащие крепости и места отойтить... и впредь таким писанием ко мне и прочим меня да пощадить»⁵⁵. На следующий день завязалась небольшая перестрелка, после которой в ночь на 9 августа шведы отступили. Таким образом, первое нападение неприятельских войск было отбито.

Осенью 1704 г. проводились работы по дальнейшему укреплению Невских берегов. В частности, в ноябре 1704 г. было заложено Адмиралтейство, и вскоре там стали возводить укрепления, в результате чего к лету 1705 г. в Санкт-Петербурге сложилась «система фортеций», состоявшая из двух крепостей – Санкт-Петербургской и Адмиралтейской.

В том году шведы предприняли более серьезную атаку с суши и моря. На сей раз они намеревались сначала занять остров Котлин и разорить Кроншлот,

а затем общими силами двигаться к Санкт-Петербургу⁵⁶. Шведский флот подошел к Кроншлоту 4 июня 1705 года. В нем насчитывалось 22 корабля, в том числе 7 линейных (от 64 до 54 пушек), 6 фрегатов (от 28 до 36 пушек), 2 шнявы, 2 бомбардирских корабля, 2 брандера, «2 судна по 40 пушек плоскодонные» и одно судно с провизией. Командовали флотом адмирал Анкерштерн, вице-адмирал Депроу и шаутбенахт Шпар⁵⁷.

Русский флот, находившийся под командованием вице-адмирала К.И. Крюйса, насчитывал 8 фрегатов и 4 шнявы; на которых размещалось 240 пушек и 1330 человек экипажа, а также 7 галер⁵⁸. Остров Котлин защищали полки Ф. Толбухина и Н. Островского, а в форте Кроншлот находился, как и в прошлом году, полк Трейдена.

Первоначально 6 фрегатов решили атаковать остров, но были встречены артиллерийским огнем с галер и батареи Св. Иоанна, вынудившим шведов повернуть назад⁵⁹. На следующий день неприятельский флот подошел ближе и начал обстрел Котлинской косы, где находился полк полковника Толбухина; однако вреда причинить не смог, так как командир полка приказал солдатам лечь на землю⁶⁰. После этого шведы попытались высадить десант на Котлине, но были встречены ружейным и пушечным огнем, от которого они были вынуждены отступить, потеряв 40 человек убитыми и 31 пленными⁶¹. Такие перестрелки продолжались несколько дней, но не привели ни к каким результатам. При этом у защитников было убито 13 человек и 19 ранено⁶².

21 июня к русскому флоту прибыло подкрепление: 2 бомбардирских шмака из Санкт-Петербурга, на которых находилось 12 пушек и 140 человек экипажей⁶³, поэтому К.И. Крюйс решил перейти в наступление и приказал галерам поднимать якоря. Шведы, увидев это, пошли в атаку, однако никаких результатов она им не дала: один фрегат выстрелил с обоих бортов по батареям Котлина острова, после чего повернул назад, а затем шведский флот отступил⁶⁴.

5 июля, когда было получено известие, что неприятельский флот находится у Березовых островов, русские корабли были приведены в боевую готовность⁶⁵. 10 и 12 июля неприятельские боты производили разведку и пытались измерить глубину, но им не позволили сделать этого⁶⁶. 14 июля основные силы шведского флота снова подошли к Кроншлоту и начали обстрел острова Котлин, на котором находилось 2200 солдат. Однако никто из них не пострадал, так как все они лежали на земле в прикрытом месте и на неприятельские выстрелы не отвечали. После артиллерийской подготовки шведы решили высадить десант на острове. Но когда они стали выходить на берег, то были встречены ружейным и пушечным огнем. При этом корабельная артиллерия ничем не могла помочь десантникам, опасаясь попасть в своих. Некоторым все же удалось выбраться на берег, но здесь они попали в плен⁶⁷.

15 июля адмирал Анкерштерн решил отступать, «а с нашего берега оных бомбами провожали...»⁶⁸. Таким образом, вторая попытка шведов атаковать Кроншлот была отбита. 16 июля К.И. Крюйс сообщил царю, что из моря выловили 420 потонувших неприятельских тел; из чего вице-адмирал высказал предположение, что из бывших на лодках шведов погибло более половины. Поэтому, заключил он, «памятен будет этот день шведам»⁶⁹. Забегая вперед, следует сказать, что слова вице-адмирала в дальнейшем подтвердились, поскольку до конца войны шведский флот не предпринимал попыток атаковать укрепления Кронштадта.

Шведы попытались атаковать также и Санкт-Петербург с суши. 19 июня уже знакомый нам генерал Г.Я. Майдель подошел к Неве, затем переправился на Ка-

менный остров, после чего подошел к Малой Неве для переправы на Аптекарский остров, но увидел на противоположной стороне окопы. Завязалась артиллерийская и ружейная перестрелка. Затем шведы начали переправу на плотках на другой берег, но были отбиты с большим уроном; после чего отступили к Ниеншанцу⁷⁰. Все, что шведы смогли сделать на Каменном острове, – сожгли две пустые деревни⁷¹. Затем 8-тысячный отряд шведов из числа оставшихся в Канцах переправился через Неву, но им навстречу была выслана конница Д. Бахметева, казаки М. Зажарского и три полка пехоты. Р.В. Брюс сам сбил неприятельский окоп на левом берегу Невы, переправившись на Карельскую сторону при поддержке двух шняв, присланных К.И. Крюйсом⁷². Причем, как отмечал Р.В. Брюс в письме к А.Д. Меншикову, не последнюю роль в этом сыграла артиллерия⁷³.

Г.Я. Майдель, двигаясь к Шлиссельбургу, у Пильной мельницы на Черной речке наткнулся на «малый транжемент», где находилось 200 человек русских с двумя капитанами. Шведы предложили им сдаться, но получили отказ. Затем они принялись бомбардировать русские укрепления, после чего пошли на штурм. Наши вытерпели два жестоких приступа, однако третий оказался тяжелее: шведы вошли на бруствер и начали забрасывать русских гранатами, от которых взорвался порох. Но это только обозлило русских: «то видя наши отвсюду себя беспомощных, так против их жестоко пошли, что из третьего штурму оных сбили и чрез малую речку Черную с такою честью их проводили, что доволная часть из них у той мелницы и в речке вечным сном уснули»⁷⁴. После этого Г.Я. Майдель отступил окончательно к Выборгу⁷⁵. Таким образом, вторая попытка шведов овладеть Петербургом окончилась для них ничем, кроме довольно больших потерь.

Однако события, развернувшиеся под Санкт-Петербургом и Кроншлотом в 1705 г. показали, что взаимодействие между К.И. Крюйсом и Р.В. Брюсом оставляло желать лучшего по причине отсутствия единого главнокомандующего. Поэтому два года спустя при подготовке отражения нового (и на сей раз масштабного) шведского наступления этот факт был учтен Петром I.

Боевые действия в этом районе снова предусматривали взаимодействие нескольких родов войск: сухопутного корпуса, гарнизонов крепостей, корабельного и галерного флотов. В данном случае возможными кандидатами на пост главнокомандующего становились А.Д. Меншиков, которому следовало на время подчинить флот, или же Ф.М. Апраксин, которому было бы необходимо подчинить комендантов крепостей (в частности К.А. Нарышкину 3 февраля был послан приказ «исправлять» все по указам адмирала)⁷⁶. Выбор царя пал на Ф.М. Апраксина, который отличался гораздо большей осторожностью, кроме того, он уже имел опыт управления Азовской областью, очень схожей с Ингерманландией – прибрежная территория, отдаленная от основного театра боевых действий. В данном примере хотелось еще раз обратить внимание на то, что Петр I не только умел подбирать себе соратников, но и давать им поручения, наиболее подходившие для них.

Первой задачей командующего было наладить разведку, чтобы определить, когда и какими силами будут атаковать шведы. Следует сказать, что в начале 1708 г. Петр I не исключал и вероятность того, что на Санкт-Петербург будут двигаться все силы шведского короля, а также предполагал и одновременный удар со стороны Выборга силами корпуса генерала А.Л. Левенгаупта и из самого Выборга – корпусом Г. Любеккера. Для действия против А.Л. Левенгаупта был назначен генерал Р.Х. Боур, а в задачу Ф.М. Апраксина и его подчиненных входило первоначально

наблюдение за войсками Г.Ю. Любеккера, для чего в сторону Выборга регулярно посылались разведывательные партии.

В конце июля, появились первые сведения о подходе неприятеля, а также состоялась и первая стычка под Ракобором, где Ф.М. Апраксин лично возглавил небольшой отряд, с которым разбил передовые партии шведов.

После окончания дела у Ракобора Ф.М. Апраксин прибыл в Нарву, где его известили из Санкт-Петербурга, что неприятель идет от Выборга к Неве⁷⁷. Получив это известие, Федор Матвеевич в первую очередь принял меры предосторожности: полковнику Митереву с драгунскими полками было приказано стоять на реке Ижоре, майору Жеребцову с тремя эскадронами драгун – на Тосне, майору Блеклову с батальоном пехоты – возле Шлиссельбурга⁷⁸. Напомним, что такая тактика действия – перехват противника на переправах – была применена Р.В. Брюсом еще в ходе боевых действий в этом районе в 1704–1705 гг. и привела к положительным результатам.

28 августа русские получили сообщение командира галерного флота И.Ф. Боциса, что против того места, где он стоит (на реке Мье), неприятель стал устанавливать батареи. После этого основные силы русского корпуса стали стягиваться к Тосне. Однако Г.Ю. Любеккер решил переправиться через Неву ниже Тосны, где его не ждали. Узнав об этом, Ф.М. Апраксин приказал войскам спешить к месту настоящей переправы, но те находились слишком далеко. Правда, к месту переправы успели Н.А. Сенявин и поручик Локвенц с тремя бригантинами (по данным экстракта Ф.М. Апраксина, – с двумя бригантинами). Огнем корабельных орудий они заставили неприятеля отойти и на время прекратить переправу. Но шведы установили свои орудия против русских кораблей и начали стрельбу по ним. Выстрелы противника оказались удачными, так как Н.А. Сенявин вскоре был вынужден отступить, ибо его бригантина оказалась разбитой. После этого шведы на пяти понтонах переправились через реку и закрепились на нашем берегу. К этому месту успело только 400 драгун и пехотный батальон Волохова, которые попытались выбить неприятеля с берега, но силы были неравными; и после трехчасового боя, так и не дождавшись подкреплений, русские войска были вынуждены отступить⁷⁹. Таким образом, шведскому генералу удалось перехитрить адмирала, после чего он двинулся к Копорью. Причина этой удачной переправы шведских войск, скорее всего, связана с тем, что Ф.М. Апраксин принял шведскую демонстрацию за серьезное намерение противника произвести десант в этом месте; но немаловажным явилось и бездействие флотилии И.Ф. Боциса⁸⁰.

Однако очень быстро у неприятеля начались проблемы со снабжением провиантом, и в этой ситуации Ф.М. Апраксин принял решение не ввязываться в бой, а изматывать противника. Скоро в войсках Г.Ю. Любеккера началось дезертирство (2 сентября была составлена ведомость перебежчикам, в которой указано 108 саксонцев, 8 поляков, 3 шведа, 3 «цесарца», 2 «бранденбуржца», всего 124 человека⁸¹). Русское командование решило обратиться к саксонцам с воззванием, в котором им было предложено переходить на сторону русских войск. При этом обещали, что те, кто захочет служить в русской армии, будут приняты с повышением в чине: из капралов в сержанты, из сержантов в прапорщики. Кто же захочет вернуться на родину, будет без промедления отпущен⁸². Это, без сомнения, способствовало дезертирству из шведской армии. Шведы, правда, приняли некоторые меры против побегов: саксонцы были расписаны по шведским полкам⁸³, во время походов впереди двигались два полка финнов, саксонцы в середине, а позади два полка

шведов⁸⁴. Но эти меры мало помогали, и вскоре Г.Ю. Либеккер принял решение возвращать войска в Швецию, погрузив их на корабли флота.

Получив известие, что неприятель отступает к морю, Ф.М. Апраксин, взяв батальон гренадеров, 200 драгун и несколько полков иррегулярной конницы, лично отправился в погоню. Но к месту посадки шведов он успел только тогда, когда на берегу оставалось лишь 5 батальонов противника, укрепившиеся в траншеях. Адмирал приказал драгунам атаковать траншею с фронта, а майор Греков и Н.А. Сенявин с грендерами тем временем обошли неприятеля с тыла (морем вброд) и отрезали его от кораблей. В результате никто из шведов, оставшихся на берегу, не смог уйти (они были убиты или взяты в плен)⁸⁵. При этом русские потеряли 57 человек убитыми (в том числе 7 офицеров) и 220 человек ранеными.

После этого шведские войска более не пытались вести наступательных операций на территории Ингерманландии, к тому же после победы, одержанной русской армией под Полтавой 27 июня 1709 г., инициатива полностью перешла к Петру I, а в 1721 г. в результате заключения Ништадского мира эта территория юридически была закреплена за Россией.

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее – ПБВП). Т. 2. – СПб., 1889. – С. 387.

² ПБВП. № 444. Т. 2. – СПб., 1889. – С. 78.

³ *Кирпичников А.Н.* Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в устье Невы. – Л., 1980. – С. 56, 60.

⁴ Реляция о взятии Нотебурга // ПБВП. Т. II. – С. 100; Журнал или подневная записка блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Ништадского мира. Ч. I. СПб., 1770. (Журнал Петра Великого). – С. 59; Журнал боевых действий российских войск, главным образом флота, в царствование Петра Великого. Житие и дела великого государя... // ОР РНБ. Ф. 359. Колобов Н. Я. Д. 655. – Л. 30.

⁵ Житие и дела великого государя. Л. 31; *Кирпичников А.Н.* Древний Орешек. – С. 113.

⁶ *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. I. – СПб., 1863. – С. 201.

⁷ *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. – С. 202.

⁸ *Гиппиус В.* Лейб-гвардии бомбардирская рота в царствование императора Петра Великого. – СПб., 1883. – С. 237–238.

⁹ *Устрялов Н.Г.* История царствования императора Петра Великого. Т. IV. Ч. II. С. 40; ПБВП. Т. II.

¹⁰ Реляция о взятии Нотебурга. – С. 109.

¹¹ *Миних Б.Х.* Записки фельдмаршала графа Миниха. – СПб., 1874. – С. 15–16.

¹² Реляция о взятии Нотебурга. – С. 110.

¹³ *Павленко Н.И.* Петр Великий. – М., 1990. – С. 163.

¹⁴ *Иогансен М.В., Кирпичников А.Н.* «Петровский Шлиссельбург (по новооткрытым материалам» // Русское искусство первой четверти XVIII века. Материалы и исследования. – М., 1974. – С. 29.

¹⁵ *Кирпичников А.Н.* Древний Орешек. – С. 118.

¹⁶ Журнал походов Петра I // ОР РНБ. Ф. 359. Колобов Н. Я. № 362. – Л. 63.

¹⁷ Житие и дела великого государя... – Л. 35.

¹⁸ Там же. – Л. 35.

¹⁹ Там же. – Л. 35.

²⁰ Журнал Петра Великого. – С. 69.

²¹ В данной статье мы не будем останавливаться на истории строительства Санкт-Петербурга, поскольку эта тема хорошо изучена.

- ²² Журнал государя Петра I, сочиненный бароном Гизеном // *Туманский Ф.О.* Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и действиях государя императора Петра Великого. Ч. III. – СПб., 1787. – С. 340.
- ²³ *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. – С. 610.
- ²⁴ Архив Военно-исторического музея Артиллерии, Инженерных войск и Войск связи (далее – Архив ВИМАИВИВС). Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. – Л. 99–102.
- ²⁵ *Приамурский Г.Г.* Санкт-Петербург и судьба Ниеншанца // Шведы на берегах Невы. – Стокгольм, 1998. – С. 46.
- ²⁶ ПБИПВ. Т. VIII. Вып. 2. – М., 1951. – С. 575.
- ²⁷ *Базарова Т.А.* Планы петровского Петербурга: Источниковедческое исследование. – СПб., 2003. – С. 36–38.
- ²⁸ Военно-походный журнал (с 3 июня 1701 г. по 12 сентября 1705 г.) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по высочайшему повелению в Новгород для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск шведского короля // Материалы Военно-Ученого архива Главного Штаба. Т. I. СПб., 1871 (далее – Военно-походный журнал Б. П. Шереметева). – Стб. 126.
- ²⁹ Журнал походов Петра I. 1700–1704 гг. // ОР РНБ. Ф. 359. Колобов Н. Я. № 362. – Л. 87.
- ³⁰ Журнал походов Петра I. – ЛЛ. 87 об., 88.
- ³¹ Военно-походный журнал Б. П. Шереметева. – Стб. 128.
- ³² Там же, – Стб. 130.
- ³³ Журнал походов Петра I. – Л. 90.
- ³⁴ ПБИПВ. Т. 2. – СПб., 1889. – С. 176–177.
- ³⁵ ПБИПВ. Т. 2. – СПб., 1889. – С. 556.
- ³⁶ *Туманский Ф.П.* Опыт повествования о деяниях, положении, состоянии и разделении Санкт-Петербургской губернии. 1789–1790 // ОР РНБ. Эрмитажное собрание. № 558. – Л. 278 об.
- ³⁷ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее – Архив СПб ИИ РАН). Ф. 83. Оп. 1. Д. 3526. – Л. 1–6.
- ³⁸ Архив ВИМАИВИВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. – Л. 104.
- ³⁹ *Вебер Ф.-Х.* Преображенная Россия // Петербург Петра I в иностранных описаниях. – Л., 1991. – С. 128.
- ⁴⁰ *Шелов А.В.* Исторический очерк крепости Кронштадт. – Кронштадт, 1904. – С. 9.
- ⁴¹ Там же. – С. 9.
- ⁴² *Денисов А.П., Перечнев Ю. Г.* Русская береговая артиллерия. Исторический очерк. – М., 1956. – С. 41–42.
- ⁴³ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ-1). – СПб., 1830. № 2218. Т. 4. – С. 436.
- ⁴⁴ Подробнее см.: *Андреева Е.А. А.Д. Меншиков и образование Ингерманландской губернии: территория и административное устройство // Петровское время в лицах – 2005.* СПб., 2005. – С. 25.
- ⁴⁵ Документы сохранились в Походной канцелярии А.Д. Меншикова (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83), часть из них опубликована Н.Г. Устряловым (*Устрялов Н.Г.* История царствования императора Петра Великого. Т. Ч. II. – СПб., 1863).
- ⁴⁶ *Тимченко-Рубан Г.И.* Оборона Петербурга в 1704–1705 гг. – С. 4; Его же. Первые годы Петербурга: Военно-исторический очерк. – СПб., 1901. – С. 105. Правда Н.Г. Устрялов считал, что в распоряжении Р. В. Брюса было 6 пехотных полков – (см.: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. I. – СПб., 1863. – С. 255).
- ⁴⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 321.
- ⁴⁸ Журнал барона Гизена. – С. 430; *Тимченко-Рубан Г.И.* Оборона Петербурга в 1704–1705 гг. – С. 5; Его же. Первые годы Петербурга. – С. 108.
- ⁴⁹ *Тимченко-Рубан Г.И.* Оборона Петербурга в 1704–1705 гг. – С. 4; Его же. Первые годы Петербурга. – С. 108.
- ⁵⁰ *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. I. – С. 255.
- ⁵¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 307.
- ⁵² *Тимченко-Рубан Г.И.* Оборона Петербурга в 1704–1705 гг. – С. 5–6; Первые годы Петербурга. – С. 108–109.
- ⁵³ *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. Т. IV. Ч. II. Прилож. 2. № 260. – С. 317.
- ⁵⁴ Там же. – С. 317–318.
- ⁵⁵ Там же. – С. 318.

- ⁵⁶ Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. IV. Ч. II. – С. 335.
- ⁵⁷ Журнал Петра Великого. Ч. I. – С. 101; Шишков А.С. Список кораблям и прочим судам всего российского флота от начала заведения оного до нынешних времен с историческими, вообще о действиях флотов и о каждом судне примечаниями. Ч. I. – СПб., 1799. – С. 16.
- ⁵⁸ МИРФ. Ч. I. СПб., 1865. – С. 76-77; Журнал Петра Великого. Ч. I. – С. 107.
- ⁵⁹ Экстракт К. И. Крюйса... – С. 68; Журнал Петра Великого. – С. 102.
- ⁶⁰ Журнал Петра Великого. – С. 102.
- ⁶¹ Журнал Петра Великого. – С. 103; Экстракт К. И. Крюйса. – С. 69.
- ⁶² Экстракт К. Крюйса... – С. 69; Журнал Петра Великого. – С. 103.
- ⁶³ МИРФ. Ч. I. – С. 77.
- ⁶⁴ Экстракт К. Крюйса... – С. 70; Журнал Петра Великого. – С. 104.
- ⁶⁵ Экстракт К. Крюйса... – С. 72; Журнал Петра Великого. – С. 105.
- ⁶⁶ Экстракт К. Крюйса... – С. 72.
- ⁶⁷ Экстракт К. Крюйса... – С. 74–75; Журнал Петра Великого. – С. 105–106.
- ⁶⁸ Журнал Петра Великого. – С. 106.
- ⁶⁹ Устрялов Н.Г. Указ. соч. Ч. II. – С. 343.
- ⁷⁰ Ведомости времени Петра Великого (В память 200-летия первой русской газеты). Вып. I. – М., 1903. – С. 267.
- ⁷¹ Устрялов Н.Г. Указ. соч. Ч. II. – С. 337.
- ⁷² Там же. – С. 342.
- ⁷³ Там же. – С. 342.
- ⁷⁴ Ведомости времени Петра Великого. Вып. I. – СПб., 1900. – С. 267–268.
- ⁷⁵ Тимченко-Рубан Г.И. Оборона Петербурга в 1704–1705 гг. – С. 32; Его же. Первые годы Петербурга. – С. 145.
- ⁷⁶ ПБВП. № 2236. Т. VIII. Вып. I. – С. 58.
- ⁷⁷ Житие и дела великого государя... – Л. 71; Журнал Петра Великого. Ч. I. – С. 174.
- ⁷⁸ Экстракт из журнала действия генерал-адмирала графа Апраксина в 1708 г. // Российский Государственный архив Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 223. Оп. 1. Д. 4. – Л. 42.
- ⁷⁹ Экстракт из журнала Апраксина... – ЛЛ. 42–43; Житие и дела великого государя... – Л. 72; Журнал Петра Великого. Ч. I. – С. 174–176.
- ⁸⁰ Тимченко-Рубан Г.И. Первые годы Петербурга. – С. 201.
- ⁸¹ РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 21. – Л. 132–133.
- ⁸² Там же. – Л. 93–94.
- ⁸³ Там же. – Л. 26.
- ⁸⁴ Там же. – Л. 75.
- ⁸⁵ Житие и дела великого государя... – Л. 72–73.